

## «ЭФФЕКТ РЕАЛЬНОСТИ» В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Саморукова И.В.

Самарский национальный исследовательский университет  
имени академика С.П. Королёва,  
кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, профессор

На примере романа С. Лема «Непобедимый» исследуются способы создания эффекта достоверности научно-фантастического произведения. «Референциальная иллюзия», свойственная всей художественной литературе, в научной фантастике конструируется с помощью приемов, которые отсылают детали воображаемого мира к «реальностям» за пределами текста: конвенциональному для жанра миру высокотехнологического будущего и повседневному опыту читателя.

*Ключевые слова: научная фантастика, жанровые конвенции, эффект реальности, антиколониальный роман.*

## "THE EFFECT OF AUTHENTICITY" IN SCIENCE FICTION LITERATURE

Samorukova I.V.

Samara University,  
Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Professor

Using the example of S. Lem's novel "Invincible", the author explores ways to create the effect of authenticity of a science fiction work. The "referential fallacy" characteristic of all fiction is constructed in science fiction using techniques that refer details of the imaginary world to "realities" outside the text: the conventional world of the genre's high-tech future and the reader's everyday experience.

*Key words: science fiction, genre conventions, effect of authenticity, anti-colonial novel.*

Теоретиками литературы (Р. Барт [1, с. 98-97], Ц. Тодоров [2, с. 18], С. Зенкин [3, с. 283-290]) давно отмечен парадокс: в плане «отражения жизни» фантастическая литература, включая научную фантастику, о которой пойдет речь, и литература самая что ни есть реалистическая, устроены одинаково: это фикциональные тексты, не имеющие референта. То есть рассказывающие о том, чего в действительности не было. Их в той или иной степени жизненная достоверность – «референциальная иллюзия» (*referential fallacy*), создаваемая специальными литературными приемами.

Референциальная иллюзия реалистической литературы базируется на том, то читатель соотносит вымышленный мир с собственным опытом. В мире литературного текста он обнаруживает детали, которые выглядят и функционируют как «в жизни». Такой деталью, например, является топор, которым Раскольников расправляется со своими жертвами. Навыки пользования топором знакомы читателю, при том что ситуация, представленная в романе Достоевского, воображенная. Здесь следует учитывать не только фактическую безреферентность эпизода, но и то, что процесс убийства изображается с точки зрения вымышленного персонажа, который при этом испытывает узнаваемые чувства и эмоции [4, с. 167-171].

Характер референциальной иллюзии в научной фантастике своеобразен. С одной стороны, научная фантастика открыто предъясвляет вымышленный мир. Это повествование о «завтра», в то время как реалистическая литература повествует о «вчера», пусть даже совсем недалеко. Определение «научная» предполагает, что изображенные в произведении технические достижения основаны на достижениях науки и в принципе могут быть верифицированы в будущем. Мир научной фантастики должен выглядеть

достоверным и иметь сцепки с реальным опытом читателя, соотносясь с горизонтом его антропологических привычек и научных познаний. В то же время темой научной фантастики всегда был не столько технический прогресс, сколько воображение его гуманитарных последствий [5, с. 31]. Эволюция жанра шла от научно-технической утопии к социальной дистопии, которая к середине шестидесятых годов прошлого века стала доминировать. Научная фантастика начинает терять интерес к подробному описанию технических достижений. Отныне они существуют в ее мире как некая данность, атрибут и аксессуар будущего, становящегося все более и более проблемным. Гуманитарный смысл научно-технического прогресса ставится под вопрос. В частности, этому посвящен роман Станислава Лема «Непобедимый» (1962), в котором автор размышляет: стоит ли дерзать, осваивая далекие планеты.

В научной фантастике существуют конвенции относительно технического оснащения межпланетных экспедиций. В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов космос бороздили фотонные ракеты, физические силы астронавтов поддерживали химические препараты («*Было без малого шесть; Роган так устал, что еле ногами двигал. У него были еще четыре тонизирующие таблетки, он принял одну и вскоре встал, чувствуя прилив сил*» [6, с. 143]), силовые и гравитационные поля обеспечивали атомные генераторы. В классической монографии «Введение в фантастическую литературу» Ц. Тодоров подчеркивает, что достоверность в литературе во многом определяется соответствием жанровым правилам и читательским ожиданиям [2, с. 34]. Проработка достоверных деталей как бы отсылает мир конкретного научно-фантастического текста к некому конвенциональному далекому (не ближе полдня 21 века) будущему, в котором наука решит все технологические проблемы. Техника и технологии преподносятся в научной фантастике как нечто привычное, часто лишь упоминаются. Техническое устройство, каким бы чудесным свойством оно ни обладало, в научной фантастике никогда не преподносится как удивительное и необычайное.

Фантастическая техническая терминология, которую так любил Лем, работает на создание специфического эффекта реальности – научно-фантастической достоверности. В классе фантастической литературы эта отсылка к науке и практическому опыту является маркером, позволяющим отличить *science fiction* от жанра *fantasy*.

Презентация технического устройства часто симулирует стиль статьи из технического справочника или научного журнала. У Станислава Лема эта имитация носит характер игры, мистификации, иронических литературных аллюзий, а то и прямых цитат даже в серьезных текстах вроде, вроде «Непобедимого» (1962).

Жанровую достоверность обеспечивает типичный для научной фантастики сюжет о колонизации космоса с использованием технических достижений, мощных и умных устройств будущего. Фантастические машины возникают в одном ряду со знакомой читателю техникой и технологиями. Этот прием придает воображаемому объекту убедительность.

Так, защитное поле создается некими «эммитерами Дирака» [6, с. 12]. Собственное имя в сочетании с техническим термином является маркером научно-фантастического мира, в котором звездолеты лихо бороздят межзвездные пространства. Кто такой Дирак и как конкретно он связан с «эммитерами», не раскрывается. Название прибора как бы отсылает к «реальности» за пределами сюжета «Непобедимого», к некой конвенциональной модели будущего. Однако радиоактивность в романе измеряется счетчиком Гейгера [6, с. 33], который читателям хорошо известен. Соседство вымышленных и реальных приборов создает эффект реальности всего технического обеспечения.

Привязка к земному опыту читателя содержится и в названиях многих устройств. Сверхмощный робот, которого используют для работы в агрессивной среде планеты Регис III, именуется **Арктан**, что вызывает ассоциации с экстремальными условиям Арктики.

Чтобы представить фантастические машины как привычный элемент технологического будущего и, главное, чтобы читатель поверил в эту реальность, Станислав Лем часто прибегает к старому доброму литературному сравнению:

*«Энергобот бултыхался, как груженная шлюпка на волнах»* [6, с. 23]. *«Самоходный излучатель антиматерии»* похож *«на жука с синеватым панцирем»* [6, с. 30]. Прибор *«ингаустер»* [6, с. 103] представляет собой *что-то, вроде телескопической руки*.

Фантастическая техника решает задачи, которые в прошлом были под силу только людям с невероятными способностями, практически шаманам. Таковы, в частности, *«ольфактометрический индикатор»* [6, с. 140] и *«замогильный фонендоскоп»*:

*«Аппарат этот на палубном жаргоне называли «замогильный фонендоскоп». Если человек умер недавно или если тело не подверглось разложению – как в данном случае, из-за холода, - можно было этим аппаратом «прослушать» мозг, точнее говоря, то, чем было заполнено сознание в последние минуты».* [6, с. 43]

Ироническое прозвище прибора, его невероятная (сверхъестественная) функция отсылают к новелле Эдгара По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром», в котором рассказывается о возможностях медиума-месмериста заглянуть в угасающее сознания агонизирующего. Невероятные, но все же человеческие способности – глубокий гипноз, Лем доверяет техническому устройству и подробно описывает принцип его работы:

*«...они шли по пути наименьшего сопротивления, то есть по тем нервным волокнам, которые в предагональном периоде образовывали функциональное единство».* [6, с. 43]

Когда техника выходит из-под контроля и превращается в грозную и мощную силу, для ее описания Лем использует хорошо знакомые читателям мифологические параллели:

*«Послать за чем-нибудь «Циклопа» – это, по понятиям астронавтов, было все равно, что дать задание дьяволу; никто не слышал, чтобы такая машина потерпела поражение. <...> Кроме обычной системы эмиттеров Дирака, создающих силовое поле, «Циклоп» был снабжен шаровым излучателем антиматерии и мог извергать антипротоны в любом направлении либо во всех направлениях сразу».* [6, с. 102]

В романе С. Лема «Непобедимый» технические устройства можно разделить на два типа.

Первый: это техника, многократно усиливающая возможности человека. Изображая такую технику, Лем соотносит ее масштаб и функции с параметрами человеческого тела. Техника усиливает возможности человека, защищает его от агрессивной среды, в известном смысле она – продолжение человеческого тела. Эта техника позволяет преодолеть ограниченность физических возможностей. Так в «Непобедимом» проводится идея утопии, которую можно назвать «научно-фантастической» ортопедией.

Второй тип: это «население» планеты Регис III, оккупировавшие ее простейшие механизмы, работающие на самовоспроизводство и выживание. Устройства, с которыми невозможен позитивный контакт и которые не подлежат никакой гуманитарной оценке. Лем сравнивает их с миром насекомых.

В романе изображается битва машин, изобретенных человеком, и этим механическим аналогом жизни. Человек должен понять природу противника и принять решение. «Непобедимый» – роман не столько о бунте техники, сколько о коллизиях контакта с нечеловеческой формой жизни, наладить отношения с которой – все равно, что договориться с насекомыми.

В той мере, в какой научная фантастика относится к художественной литературе, она производит «эффект реальности», описанный Р. Бартом. Он определяет этот эффект как присутствие в тексте знака, который напрямую отсылает к реальности за пределами вымышленного мира [7, с. 399]. Часто эту роль выполняют бытовые предметы (как

анализируемый Р. Бартом барометр из романа Г. Флобера «Господа Бовари»), атрибуты повседневности, функционирующие в мире текста, как в реальной жизни. Благодаря им происходит сцепка антропологических навыков героя и читателя. У Лема эти бытовые предметы часто фигурируют в качестве аналогий. Атрибуты научно-фантастического мира описываются через сравнение их с чем-то повседневным, хорошо знакомым любому читателю. Приведем несколько примеров.

*«Там и сям двигались, словно оживая, слабо закрепленные предметы; в камбузах загремела посуда, закачались спинки пустых кресел из пенопласта, заколыхались настенные ремни и тросы на палубах».* [6, с. 7]

*«Эти традиционные слова означали, что возврата уже нет, что ноги станут на настоящую почву – пусть даже на песок пустынной планеты, но там будет **восход и заход солнца, и горизонт, и тучи, и ветер**».* [6, с. 9]

*«Сорока часами позже гирерреле зарегистрировало серию импульсов – будто бы передачу морзянкой, но лишенную всякого смысла. А потом – странные, несколько раз повторяющиеся звуки. Гертель назвал их **«мяуканьем котов, которых тянут за хвост**».* [6, с. 11]

*«От **неспокойных порывов ветра хлопали штанины комбинезона**; огромный, будто распухший диск солнца, на который можно было смотреть целую секунду безнаказанно, торчал теперь как раз за макушкой ракеты».* [6, с. 15]

*«Сам он уселся в кабине головного вездехода с учеными. Продув крохотное помещение кислородом, они принялись за **бутерброды, концентраты, запивая их кофе из термоса**... Балмин отплеывался – **песок, коварно пробравшийся в мундштук маски, во время еды скрипел у него на зубах**».* [6, с. 36]

Следует обратить внимание на подчеркнута земной и скрыто ироничный характер этих деталей. В будущем технологических прорывов, как и у нас с вами, гремит посуда, хлопают на ветру широкие штанины и даже на далекой уникальной планете, словно в офисе, пьют кофе с бутербродами. Таким образом, фантастический мир, и связанная с ним проблематика, приобретает измерение, соотносимое с земным человеческим опытом.

*«Капли воды мерно били из крана, удивительно звонкие в полной тишине».* [6, с. 125]

Под этот столь знакомый каждому мерный звук в одном из эпизодов «Непобедимого» происходит серьезный разговор двух астронавтов, в результате которого командир звездолета посылает героя на верную смерть. Психологическая достоверность в этом эпизоде затмевает достоверность жанровую, и даже зашкаливает, становясь маркером скрытой авторской иронии. Вам легко представить ржавый капающий кран на космическом корабле будущего?

Важной областью конструирования эффекта реальности в романе С. Лема «Непобедимый» является изображение реакций человеческого организма на воздействие фантастических инопланетных факторов, различных приспособлений и устройств. Техногенный мир научной фантастики имеет вкус, запах, цвет, холодит или обжигает, выматывает, вызывает галлюцинации.

*«Когда оба зонда вернулись в границы поля, биологи принялись за работу в установленном тем временем бараке, где можно было **наконец снять осточертевшие кислородные маски**. Роган, Ярг и пятеро остальных впервые за этот день **отведали горячей пицци**».* [6, с. 25]

*«Тут было тепло и в воздухе веял **специфический запах, искусственный аромат хвои, которым климатизаторы пытались перебить вонь перегретых пластика и металла, возникающую во время работы реактора**».* [6, с.114]

Так достигается мастерски конструируемый Лемом эффект телесного присутствия, чувственного контакта читателя с фантастическим, эффект сопереживания герою и даже почти физического присутствия в мире будущего.

Одним из жанровых свойств научной фантастики является рациональность инструментальных действий человека. Герои-космонавты действуют, опираясь на причинно-следственные связи, исследованные наукой, и Лем симулирует сухой и строгий язык отчета:

*«Сначала они попробовали выяснить при помощи ультразвуковых зондов, какова толщина песчаного слоя на «улицах» мертвого «города». Это было весьма канительное занятие. Результаты зондирования не совпали один с другим, - вероятно, потому, что скалистая подпочва подверглась внутренней декристаллизации во время землетрясения, вызвавшего тектонический разлом. Судя по всему, в этой огромной неглубокой котловине слой песка достигал толщины от семи до двенадцати метров».* [6, с.32]

Так описание технологий и прочих инструментальных действий создают специфический эффект рациональности научной фантастики. «Непобедимый» в этом плане – настоящий шедевр, в котором сюжетные ходы и элементы мотивированы логикой науки и техники.

Фантастический мир далекого космоса также интерпретируется рационально, путем апелляции к научным истинам или гипотезам. Особенностью сюжета научно-фантастических произведений С. Лема, является то, что в центре проблематики обычно стоит одна такая гипотеза, которая подвергается практической проверке.

В «Непобедимом» проверяется следующее:

*«...неживая эволюция. Эволюция механических устройств. Что является главным признаком гомеостата? Умение приспособиться к изменчивым условиям, даже самым враждебным».* [6, с. 82]

Таким признаком и обладают простейшие механизмы, которые колонизировали планету Регис III, уничтожив конкурентов в виде высокоорганизованной техники и живых организмов, сохранившихся только в океане.

**«Металлические кусты»** – колонии крошечных примитивных механизмов, – так называют астронавты эту небιологическую агрессивную жизнь:

*«... будто жесткий мех, покрывала их щетинистая гуща зарослей».* [6, с. 93]

Приключения, произошедшие с экипажем космолета «Непобедимый» на планете Регис III, корректируют утопический проект колонизации космоса:

*«Галактоцентризм ведь не в том состоит, чтобы искать только себе подобных и только их понимать, а в том, чтобы не вмешиваться не в свои, нелюдские дела».* [6, с. 118-119]

В начале шестидесятых это высказывание приобретает довольно прозрачный политический смысл, придавая «Непобедимому» интенцию антиколониального романа, написанного с точки зрения наблюдательного и рефлектирующего колонизатора, романа о пределах и границах человеческих дерзновений, о цене этих дерзновений и здравом смысле.

## Список литературы

1. Барт Р. S / Z. М., Ad Marginem, 1994.
2. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М., Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997.
3. Зенкин С. Теория литературы. Проблемы и результаты. М., Новое литературное обозрение, 2018.
4. Саморукова И. «Замахнулся – руби»: роль вещи в идентификации реалистического текста // Вестник СамГУ. 2014. № 5 (116). С.167-174.
5. Дубин Б. Литература как фантастика: письмо утопии // Дубин Б. Слово-письмо-литература: Очерки по социологии современной культуры. М., Новое литературное обозрение, 2001. С. 20-42.

6. Лем С. Непобедимый: роман. Рассказы. Собр. соч. в 10 тт. Т.3. М., Текст, 1993.
7. Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., Прогресс, Универс, 1994.

**ПОНИМАНИЕ ИСКИНОМ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ВОСПИТАНИЕ  
ГОТОВНОСТИ ПРИНЯТЬ ЖЕРТВУ  
(ПО МОТИВАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТЕДА ЧАНА И ИЭНА МАКБЮЭНА)<sup>1</sup>**

Сериков А.Е.

Самарский национальный исследовательский университет  
имени академика С.П. Королёва, кафедра философии, доцент

Для того чтобы искусственный интеллект мог полноценно понимать человека и вести себя как человек, он должен разделять эволюционно возникшие человеческие предрасположенности к восприятию мира и других людей, к взаимодействию с ними. Герои повести Т. Чана «Жизненный цикл программных объектов» воспитывают ИИ как человеческих детей и понимают, что ИИ нужно давать задания, с которыми он может и не справиться. В повести это трактуется как воспитание ответственности, но в реальном мире у человеческих детей опыт неудач воспитывает готовность принимать жертвоприношения. Роман И. Макьюэна «Машины как я» можно интерпретировать как историю последовательных тестов ИИ на человечность. Искусственный человек успешно проходит различные варианты тестов Тьюринга и Лавлейс, но не проходит тест на принятие жертвоприношения. Вывод: для того чтобы ИИ разделял ценности человека, он должен, помимо прочего, быть предрасположен к принесению и принятию жертв.

*Ключевые слова: искусственный интеллект, ценности, ритуал, жертвоприношение, поведение, антропология, научная фантастика.*

**UNDERSTANDING OF HUMAN VALUES BY AI AND FOSTERING A WILLINGNESS  
TO ACCEPT SACRIFICE  
(BASED ON WORKS BY TED CHIANG AND IAN MCEWAN)**

Serikov A.E.

Samara University,  
Department of Philosophy, Associate Professor

In order for artificial intelligence to fully understand a human being and behave like a human, it must share the evolutionary human predispositions to the perception of the world and other people, to interactions with them. The heroes of T.Chiang's novella "The Life Cycle of Software Objects" educate AI as human children and understand that AI needs to be given tasks that it may not be able to handle. In the novella, this is interpreted as the education of responsibility, but in the real world, the experience of failure fosters in human children a willingness to accept sacrifices. I.McEwan's novel "Machines Like Me" can be interpreted as the history of successive AI tests on humanity. An artificial person successfully passed various versions of the Turing and Lovelace tests, but couldn't pass the test for accepting the sacrifice.

---

<sup>1</sup> Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».